

МАРИНА ВЕТРОВА

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА

ПОСЛЕ ИЗМЕНИ. БЫВШИЙ, ТЫ ПРОИГРАЛ!

Марина Ветрова

**После измены.
Бывший, ты проиграл!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

После измены. Бывший, ты проиграл! / М. Ветрова — «Автор»,
2026

В годовщину свадьбы мне прислали подарок: обручальное кольцо мужа с именем другой женщины. Семь лет я строила нашу бизнес-империю. А теперь Артём называет меня истеричкой, любовница занимает моё место, а падчерица помогает отцу уничтожить мою репутацию. Но настоящая измена страшнее супружеской неверности. Муж подстроил всё, чтобы заставить меня отказаться от компании, которую я сделала успешной. Он заблокировал мои счета, настроил против меня друзей и подготовил развод на своих условиях. Только он просчитался. У меня остались мозги, доказательства и мужчина, которому не нужны мои миллионы. Бывший хотел оставить меня ни с чем. Теперь я заберу своё. И начну жизнь, в которой больше нет места предателям.

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Марина Ветрова

После измены. Бывший, ты проиграл!

Глава 1

В 18:42 я закрыла таблицу с одобренным бюджетом и потянулась за телефоном. Артем уже ждал меня в ресторане; хотелось успеть хотя бы к вину и рассказать, как прошло голосование. В дверь офиса постучал курьер.

— Подпишите здесь, здесь и вот тут, — он тыкал пальцем в терминал, даже не поднимая глаз.

Я опаздывала. Артем ждал меня в «White Rabbit» уже двадцать минут. Телефон вибрировал в кармане пиджака: три пропущенных от секретаря, два от мужа. Звонки секретаря я сбросила — на сегодня с отчетами было закончено. Артему собиралась перезвонить из лифта. Перед помощником, который еще возился у принтера, обсуждать годовщину не хотелось.

— Это личная посылка? — спросила я, выхватывая стилус из рук парня.

— Анонимная доставка, получатель указан как «Анна». Только расписка.

Подпись на терминале вышла корявой: курьер уже тянул устройство к себе. Коробка была тяжелой, в матовом черном картоне, без логотипа. Я сунула её между кошельком и ключами. Разберусь дома — сейчас бы успеть в ресторан и не начать вечер с ссоры.

В лифте кто-то щедро надушился передо мной. Двери закрылись, и я пожалела, что не пошла пешком: приторный запах забивал нос даже через шарф. Расстегнула блузку у горла. На табло менялись этажи, а мне все казалось, что кабина стоит. Вот уж чудесное начало годовщины: муж ждет с вином, жена борется с чужим парфюмом.

Сумку пришлось держать на весу — коробка оттягивала ремень. «Доеду, сяду, выпью воды». На первом этаже я действительно остановилась у стены, пока не отпустило. Артему про это рассказывать не буду: он еще неделю станет советовать провериться и вовремя отдыхать, будто я по доброй воле задерживалась на заседании.

В ресторане сразу увидела его у окна. Ворот рубашки расстегнут, телефон рядом с тарелкой. Семь лет я шла к этому лицу, как к своему месту за столом: сейчас посмотрит, отодвинет стул, спросит, что у нас случилось. Он продолжал печатать.

Пришлось самой выдвигать тяжелый стул. На скатерти стояли два бокала, но вино налили только ему. Он закончил сообщение, перечитал и отправил; я успела снять пальто и поставить сумку, а приветствия все еще ждала.

— Ты опоздала. Он наконец положил телефон экраном вниз. Я посмотрела на его бокал: считал минуты или уже выпил за нашу годовщину один?

— Курьер задержал. А потом пробка. — Оправдания посыпались прежде, чем я успела сесть, и я остановила себя. — У меня зато новости хорошие. Стратегию приняли. Все голоса. Представляешь, даже председатель перестал спорить? Хотелось вернуть нас в тот вечер, где мы оба довольны: я принесла решение, он первым оценил. Улыбка вышла привычной, почти рабочей.

Он посмотрел на мой воротник, который я расстегнула в лифте, потом на часы. Стало неловко, как перед встречей, где я не подготовила нужную справку. Я запахла блузку и тут же разозлилась на себя: это мой муж, не проверяющий.

— Поздравляю, Анна. Твой профессионализм восхищает.

Если бы он сказал так при сотрудиках, я поблагодарила бы и перешла к следующему вопросу. Но здесь передо мной лежало меню на годовщину. Рассказывать, как отстаивала бюд-

жет, уже расхотелось. Я предложила наше старое вино — то, которое брали после первой сделки. Может, он хотя бы его вспомнит.

Официант ждал, пока я выберу горячее. Я дважды повторила название блюда: Артем смотрел мимо меня, вниз. На сумку. Коробка торчала углом из-под молнии, и я подвинула сумку ближе к своей ноге. Он проследил за движением.

— Что там? — спросил он, когда официант принес вино.

— Подарок, — ответила я, не глядя на него. — Для тебя. На годовщину.

Он потянул сумку за ремень, будто она уже его. Так бывало: нужны ключи — открывает мой карман, понадобился чек — забирает папку. Раньше я называла это нашей близостью. Сейчас не успела даже договорить про подарок, а он уже хотел посмотреть.

— Оставь. — Я придержала сумку у колена. — Дома открою. Сюрприз же.

Он держал ремень еще секунду. Пришлось не отводить взгляда, иначе сама бы отдала. Потом отпустил, и сумка стукнула о ножку стула. Официант поставил между нами бутылку.

— Как хочешь. Я пригубила вино и не почувствовала вкуса. Сказано было негромко, даже вежливо. Но «как хочешь» у нас обычно означало, что за свой выбор я еще буду извиняться.

Я убрала бокал подальше от края стола. Обычно после такой реплики уступала: вручала сумку, объясняла, извинялась. Сейчас пальцы остались на молнии. Он ведь даже не спросил, от кого подарок. Почему так торопился его открыть?

В такси я сидела с коробкой на коленях. Артем по дороге ответил на два звонка; меня никто не спросил, понравился ли ужин. Я считала красные светофоры и придумывала, как начать разговор дома. Без «ты опять». Без отчетов. Он первым прошел в кабинет.

— Я буду через пять минут, — бросил он, не оборачиваясь.

На столе остался отпечаток мокрого дна сумки. Я потерла ладонь: от молнии тянулась красная полоса. Люстра горела всеми лампами, и хотелось выключить половину, но я боялась потерять время. Коробка была здесь. Еще закрытая.

«Зачем я это делаю? Там может быть что угодно. Может, просто ошибка», — подумала я и посмотрела на дверь кабинета.

Если доставка ошибочная, я хотя бы увижу имя отправителя. А если мне — почему без подписи? В ящике стола нашелся нож для писем. Когда-то Артем смеялся над ним: кто сейчас получает бумажные письма? Ну вот, получила.

Нож застрял в скотче, пришлось повернуть лезвие. Картон надорвался у края. Я сняла крышку и подцепила ткань, которой было прикрыто содержимое.

Кольцо. Тяжелое, мужское, с ободом, который я узнала бы среди десятка других. Артем потерял такое в Италии год назад. Я тогда ползала по гостиничному ковру, искала под кроватью, злилась на него и на себя. Он обещал купить новое — и купил. На его руке теперь было другое, а это лежало передо мной.

Золото холодило подушечки пальцев. Я провернула обод, ища знакомую царапину. В ту минуту даже не пришло в голову сравнить размер: мне хватило цвета и тяжести.

Под тканью оказались страницы. Четыре листа, текст диалога с именами над строками.

Сначала я читала, не понимая, при чем здесь Лика. Дошла до «Анны» и вернулась наверх. Она писала обо мне. Лика из нашего секретариата.

Лика: Сегодня он снова смотрел на меня так, как никогда не смотрит на Анну. Ей нужна власть над тобой. Ей мало руководить работой, еще и дома распоряжается. Он ненавидит её холодность. Её амбиции. Её невозможность быть просто женщиной.

Артем: Она душит меня своими успехами. Каждый день я чувствую, как теряю себя. Ты единственная, кто понимает, что значит быть мужчиной рядом с такой женщиной. Рядом с тобой я могу дышать.

Лика: Помнишь ту ночь в отеле? Когда мы говорили о будущем без неё? Я боюсь, что она узнает. Если она увидит это кольцо...

Артём: Она никогда не узнает. Я позабочусь о том, чтобы её "выкидыш" выглядел как следствие стресса от её же работы. Она сама виновата в этом. Она выбрала карьеру вместо нас. Теперь пусть выбирает одиночество.

Я перечитала слово «выкидыш», водя под строкой пальцем. Какой ребенок? У меня ни разу не было беременности. Мы откладывали детей, потом перестали обсуждать; Артем всегда говорил про компанию, про неподходящее время. На бумаге у него вдруг появилась трагедия, о которой я ничего не знала. И виноватой в ней назначили меня.

Последний лист был фотографией. Переплетенные пальцы, рукав мужской рубашки, женский маникюр. На женской руке — широкий золотой обод. Кольцо повернули к камере, но мелкие буквы после печати расплылись. Я подняла то, которое держала сама, прямо к лампе.

Буквы шли по внутренней стороне. Пришлось покрутить обод, чтобы тень от пальца не закрывала имя.

«Для моей Лики. 12 мая 2016 года.»

Я оперлась локтями о стол. Кольцо ткнулось в край листа.

12 мая 2016 года.

День и месяц были наши. Двенадцатого мая, только годом позже, мы остались в отеле после первой общей презентации. Я помнила нелепые гостиничные тапки и его смех, когда мы споткнулись об них у кровати. Для меня отсюда начиналось «мы». А здесь к этой дате приписали Лику.

Я посмотрела на год еще раз: 2016-й. Ошибиться в одной цифре могла, прочитать вместо Анны «Ли́ка» — вряд ли. Но наше кольцо купили позже. Тогда что это за вещь? Артем сказал, что потерял его. Почему я сразу решила, что нашла?

Будь передо мной счет, я проверила бы номер, дату, отправителя. Села бы с телефоном и за час отделила подозрение от факта. С кольцом так не получалось. Оно казалось убедительнее любой выписки. Кто-то рассчитывал именно на это: прислал знакомую вещь в день, когда я меньше всего готова ей не поверить.

Я попыталась вспомнить, когда в последний раз держала старое кольцо. В Италии? В номере? Артем тогда перебирал мои вещи и сердился, что я ищу недостаточно внимательно. Теперь оно лежало у меня в ладони — с чужим именем внутри.

Слезы капали на обод. Я промокнула его блузкой и стиснула зубы: из кабинета услышат, если начну рыдать. Мне хотелось позвать его, бросить эти листы ему в лицо — и одновременно спрятать их раньше, чем он войдет.

За дверью кабинета сдвинулся стул. Потом шаги. Обещанные пять минут закончились.

Экран телефона не сразу отозвался на мокрый палец. Я вытерла руку о юбку и открыла контакты. Звонить матери? Она спросит, в чем дело, а я даже слова «кольцо» не произнесу без слез. Нужен кто-то, кто сначала посмотрит на бумаги, а уже потом станет меня жалеть.

Мне нужен был Максим.

Максим когда-то на защите диплома попросил исходные расчеты вместо презентации и испортил доклад человеку, которого все уже поздравили. Я тогда восхищалась его занудством. Сейчас нашла номер и отправила снимки страниц, пока шли гудки. Пусть увидит раньше, чем начнет меня успокаивать.

— Макс, это Анна. Мне нужно, чтобы ты приехал. Прямо сейчас.

Я посмотрела на дверь. Ручка начала медленно поворачиваться.

— Я нашла кольцо. И переписку. Только не говори пока, что я все не так поняла. Посмотри.

Он начал отвечать, но ручка уже повернулась. Я накрыла кольцо листом и осталась с телефоном у уха. Впервые мне не хотелось класть трубку только потому, что вошел муж.

Глава 2

Я не спала. Полоска света из коридора ложилась на пустую половину кровати; Артем остался в кабинете. Когда он вечером вошел в гостиную, я собрала бумаги и ушла в спальню, попросив меня не трогать. Максиму написала, чтобы пока не приезжал: сначала поговорим по телефону. Коробку поставила на тумбочку. Куда бы я ни повернулась, её черный угол оставался перед глазами.

В какой-то момент я уже почти согласилась: курьер ошибся. Потом переворачивалась и видела коробку. На ней мое имя. Другой адрес, чужая годовщина — удобные объяснения разваливались, стоило включить лампу. Кружку пришлось поставить на тумбочку: дрожала в руках так, что вода пошла через край.

Я дошла до кухни и включила чайник. Возле кофемашины осталась вчерашняя чашка Артема. Обычно убирала её, пока он собирался; сегодня обошла. Хотелось сделать что-нибудь, у чего понятен результат: вскипятить воду, заварить чай, выпить. Не выяснять, почему человек, который живет со мной семь лет, обсуждает мое одиночество с секретаршей.

Надорвала пакетик слишком низко. Чай просыпался на белую столешницу, часть попала в щель возле плиты. Я стиснула оставшуюся бумажку и только тогда заметила, что держу ее вверх дном. Даже это. Даже пакетик чая у меня сейчас не получался.

На запястье прилип мокрый чайный лист. Я сняла его, а за тряпкой не потянулась. Еще вчера объясняла целому совету, куда пойдут их деньги. Сегодня можно было снять обо мне другое видео: взрослая женщина стоит ночью на кухне над мусором и ничего не делает. Я повернулась к окну, чтобы хотя бы не смотреть на него.

— Ань?

Он произнес мое имя так, как будил по выходным: тихонько, с еще сонным голосом. На нем была пижама; у воротника загнулась полоска ткани. Я ненавидела себя за желание поправить ее. Он посмотрел на рассыпанный чай и приблизился, явно собираясь помочь.

— Ты давно не спишь? Что случилось? От него пахло одеколоном. Даже ночью. Я уткнула подбородок в ворот ночной рубашки: не могла сейчас терпеть этот запах так близко.

Его пальцы уже были у плеча, когда я шагнула назад и ударилась спиной о холодильник. Очень хотелось, чтобы он убрал руку. Без вопросов, без объятий, которое потом заставит меня оправдывать все прочитанное.

Он оставил ладонь на весу. — Ань, ты чего? Испугалась? Тебе плохо? Давай таблетку найду. Наклонился ко мне, но я прижалась к дверце сильнее. Теперь он заметил и это.

Коробку он видел вечером, распечатки тоже. Я ждала хотя бы «что тебе прислали». Вместо этого — таблетка. Очень удобно: больная жена, а не листы с его именем. Я почти спросила вслух, но боялась, что голос сорвется раньше, чем закончу вопрос.

— Уходи. — Аня, мы можем спокойно... Он снова приблизился. Мне пришлось поднять ладонь между нами.

— Я сказала: выйди! Слишком громко. Я сама испугалась своего голоса и закрыла рот рукой. Он посмотрел за мою спину на чай, и мне стало ясно, с чего начнется его рассказ о нашей ссоре.

— Хорошо. Я в кабинете. Позовешь, когда сможешь разговаривать. Он говорил почти ласково, но слова выбрал именно эти: когда я смогу. Будто сейчас разговаривать умеет только он. Я осталась у холодильника и дождалась, пока он выйдет; спорить об этом сил уже не было.

Дверь за ним закрылась. Чайник отключился, и я вздрогнула: успела забыть, что сама поставила воду.

Я сползла на пол, прислонившись к холодильнику. Кафель был холодным даже через ткань. Посидеть можно минуту. Потом надо встать и убрать этот чай — иначе утром придется слушать не про кольцо, а про то, что он нашел меня ночью на полу.

В спальне зажигать лампу не стала. Села на край кровати и увеличила на телефоне снимок переписки. Уже знала, где чьи слова, но читала заново, надеясь найти ошибку в имени. Какую-нибудь чужую Анну. Объяснение, после которого можно будет закрыть телефон и уснуть.

«Лика: Мне так жаль, что ты потерял ребенка. Это слишком тяжелый стресс для тебя»
«Артем: Спасибо, родная. Без тебя я бы не справился. Она никогда не понимала моих чувств».

Никакого потерянного ребенка у нас не было. У Артема была Кристина, дочь от первого брака, и после разговора о ней мы больше не спорили об общих детях. Он сказал, что второго раза не выдержит; я тогда уступила. А теперь кому-то рассказывал, что я не поняла его чувств. Я провела пальцем под этой строкой и сделала отдельный снимок.

Если это он писал, зачем выдумал ребенка? Если писал кто-то другой, почему выбрал именно эту тему? О нашей договоренности не знали сотрудники. Кристина могла знать от отца, Лика — тоже. Я остановилась на её имени. Все равно придется спросить, но спрашивать сейчас, ночью, нельзя.

Я закрыла фотографию и снова ее открыла. Кто еще прочитал эти страницы? Пока я шла в ресторан, курьер мог смеяться, помощник мог видеть имя на коробке. Я понимала, что уже приписываю им слишком много. Но отделить тех, кто просто был рядом, от тех, кто знал, пока не получалось.

Зазвонил телефон. Резкий, требовательный сигнал в тишине ночи. На экране высветилось имя: Кристина.

На экране было три часа. От Кристины в такое время обычно приходили только счета. Она давно считала, что я разбила брак ее родителей, и почти не звонила без просьбы о переводе. Сегодня даже обычная просьба казалась лишней; я подождала еще два гудка и ответила.

— Привет, Анна. Деньги за маркетинг надо до утра. Папа сказал, ты переведешь. Никакого «не разбудила?». Я посмотрела на ее вчерашний счет: сумма та же. — Если до утра не переведешь, папе все расскажу, — продолжила она. — Как ты психуешь. Ему и так тяжело, а тут еще ты. Вот теперь речь шла уже не об оплате курса.

Я смотрела на часы. С момента коробки прошло несколько часов. Кто успел рассказать ей, что я психую? И почему она звонит не отцу, а мне?

— Подожди, — сказала я, открывая список ее сообщений.

Она помолчала. — Что? — Кто тебе сказал, что я психую? Артем? Лика? Сегодня кто-нибудь звонил? На слово «Лика» в трубке послышался шорох. Может, Кристина просто повернулась в постели. Я все равно запомнила, где она перестала отвечать.

— Ты ненормальная! — взвизгнула Кристина, теряя уверенность. — Ненавижу тебя!

Короткие гудки. Я убрала аппарат от уха и проверила, не оборвала ли звонок сама. Нет, она.

Я положила телефон на простыню. Руки больше не дрожали. Я открыла недавние сообщения Кристины: еще неделю назад она прислала счет с обычным «спасибо». Сейчас требовала тот же перевод и пугала отцом. Я сохранила счет рядом с распечатками; утром спрошу, кто отменил прежнюю оплату.

Артем постучал в спальню. — Открой, Аня. Так нельзя. Мы взрослые люди, давай поговорим. Я проверила щеколду, хотя отлично помнила, как закрыла ее. Он слышал мой разговор с Кристиной? Тогда тем более не открою.

Я не двинулась с места. Сидела на краю кровати, глядя на ручку двери. — Аня, я знаю, что ты там. Перестань истерить. Это неприлично.

Неприлично. Вчера в ресторане он смотрел в телефон, пока я говорила; сегодня моя закрытая дверь оказалась нарушением приличий. Раньше я бы уже открыла, чтобы соседи не услышали. Теперь крепче уперлась ладонью в край кровати и осталась сидеть.

Я смотрела на ручку, пока он говорил. Стоит открыть — приблизится, обнимет, назовет это недоразумением. Я ведь и сама полчаса искала недоразумение в распечатках; такую помощь сейчас приму слишком охотно. Поэтому осталась на кровати и не отвечала. Пусть думает, что я обижена. Проверять файлы он за меня не будет.

Он постоял еще немного, потом ушел. Я дождалась второго звука — закрывшейся двери кабинета — и только тогда поднялась. Ноги затекли от того, что сидела почти без движения.

На балконе было холодно. Я вышла в ночной рубашке и вцепилась в перила; вскоре пальцы тоже замерзли, зато голова стала болеть меньше. Внизу машины сворачивали к нашему дому. Кто-то возвращался, кого-то ждали. Я достала телефон, пока еще могла стоять здесь и не слышать Артема.

В приложении банка нашлись платежи за консультации. «Лирика-Консалтинг» — небольшие суммы, несколько раз за последние полгода. Раньше я принимала их за обычные расходы мужа: он сам согласовывал часть услуг. Теперь название хотелось проверить. Выгрузила выписки и отправила Максиму, не придумывая в сопроводительном письме, за что якобы платили.

Одна сумма выбивалась. Перевод юридической фирме, месяц назад. С ними мы работали по корпоративным спорам; я знала, что у них есть и специалисты по разделу супружеских активов. Эту оплату я не согласовывала.

Я увеличила назначение платежа: короткая строка, ничего о моих правах. Кто-то из юристов уже готовил ему документы, которых я пока не видела. Надо запросить договор и счет. До этого пусть не приносит мне «ради мира в семье» ни одной страницы на подпись.

Телефон уже остыл, палец плохо скользил по экрану. Я сохранила последнюю выписку и ушла с балкона. Знать, что он платил юристам, неприятно. Не знать, для чего, — хуже. В комнате можно было хотя бы составить список вопросов.

За ноутбуком я сначала удалила его имя из контактов. Номер остался в памяти и в сообщениях, это ничего не решало. Но больше не хотела видеть «Артем» над каждым входящим. Потом открыла документ. Печатать было легче, чем произносить все это вслух.

Назвала файл без эффектного заголовка: «Проверить документы». Первым пунктом поставила перевод юристам. Вторым — кольцо. Третий пока не придумала.

Кольцо лежало сбоку от ноутбука. Я подвинула коробку, чтобы не видеть его, пока печатаю. Доказательства еще надо добыть, а не объявить себе готовыми. В списке оставалось много пустого места, но хотя бы первые две строки относились к тому, что можно проверить.

Глаза слезились от экрана. Уменьшила яркость и вернулась к первой строке: дата, сумма, получатель. Никаких слов про месть. Сейчас мне нужен счет от юристов и заказ из магазина. Я посмотрела на часы: ночь еще не кончилась. Можно успеть отправить запрос Максиму, пока утром у нас снова не начнутся разговоры.

Документ сохранился. Я не закрыла ноутбук — поставила на зарядку и вернулась к выпискам.

Глава 3

Я проснулась, хватая воздух. Во сне пыталась дозвониться кому-то, а телефон все время ускользал из рук. Оказалось, лежит рядом, на тумбочке, и вполне цел. Не хватало только человека, которому можно позвонить. Артем спал в другой комнате. От его половины постели пахло привычным одеколоном; я отодвинула подушку подальше и села, прижимая простыню к груди. В углу мигал роутер. Он-то работал, хотя остальное в этой квартире хотелось отключить.

Вчера я составила список, а утром снова не могла отвести взгляд от коробки. Кольцо, дата, чужие пальцы на фотографии. Надо было сначала выйти из спальни. Умыться. Сделать себя похожей на человека, которому доверяют документы. Я потянулась за тапочками и поймала себя на мысли: вдруг Артем войдет сейчас? Что я ему скажу? «Доброе утро» уже представлялось непосильной работой. Про ребенка в распечатке и вовсе невозможно было говорить спокойно: ни о какой беременности я ему не сообщала, потому что ее никогда не было.

В 07:15 посмотрела контакты. Виктор. Когда-то он вел со мной первые переговоры, а потом стал называть наставницей уже меня. Ему можно было сказать «Витя, я вляпалась» и получить совет без сочувственного вздоха. Он знал наш бизнес, знал Артема и не должен был сразу поверить рассказу о моей истерике. Я нажала вызов, прежде чем начала сомневаться и в нем. Список тех, кому доверяю, и так становился неприлично коротким.

— Анечка? Ты чего так рано? — Витя, мне надо встретиться. Срочно. У него зашуршала бумага. Потом он явно отошел: кофемашина, которую я слышала вначале, загудела тише. — Не сейчас. Здесь слишком много ушей. Понимаешь? — Нет. Я о работе хочу поговорить. Мне нужно уйти так, чтобы потом не остаться без доли и без имени. — С Артемом проблемы? Вопрос прозвучал слишком готово. Я еще толком ничего не сказала. — Завтра в десять, «Гранд» на Патриках. Пожалуйста. — Посмотрим. Напишу, если смогу. Он отключился. Я послала адрес и несколько секунд держала палец над кнопкой повторного вызова. Не станет отвечать — тогда будет уже совсем стыдно. Лучше дождусь завтра. За годы знакомства он хоть раз может опоздать с помощью, как я опаздывала с ответами ему.

На следующее утро шел дождь. Я выбрала графитовый костюм: в нем обычно проще не сутулиться. Подкрашивая губы, размазала помаду по пальцу, а потом оставила полоску на зеркале. Пришлось все вытирать и начинать заново. На работу так не ходят, сказала бы я самой себе неделю назад. Сегодня только проверила, не торчит ли салфетка из рукава, и вызвала такси.

В «Гранде» заняла столик у окна. Заказала капучино, хотя давно хотелось просто воды. Чашка прибыла раньше Виктора; я успела выпить верхнюю пену, остальное остыло. В десять десять проверила сообщение — прочитано. В десять двадцать решила ждать еще пять минут. В десять тридцать порвала салфетку на полосы. У бариста уже начиналась моя биография: женщина в костюме, которая смотрит на дверь и ничего не заказывает. Дополнительного кофе я не захотела. Еще бы и руки от него затряслись.

Виктор пришел в 10:40. Бежевое пальто, красные веки. Я поднялась ему навстречу, но он сразу сел сбоку, за соседний стол. Пришлось опять опуститься на свой стул. Мы оказались достаточно близко, чтобы слышать друг друга, и достаточно далеко, чтобы со стороны никто не принял это за личный разговор. Мне захотелось спросить, не я ли теперь та самая лишняя пара ушей. Вместо этого поблагодарила, что пришел.

Он заказал воду, пальто снимать не стал. — Анечка, что с лицом? Не спишь? Моя жена тоже всю неделю как на иголках. Погода, наверное. — Витя, я не о погоде. Мне прислали кольцо и переписку Артема с Ликой. Я не знаю, что там настоящее. Но он ведет себя так, будто я уже во всем виновата. Хочу оформить уход. Без скандала, только не отдать заодно все права. Виктор взял стакан, посмотрел на дно. — Тихо? После того, что у вас по офису ходит? — Что ходит?

Я тебе и звоню, чтобы узнать. Он встал. Я еще не успела понять, чего испугалась сильнее: его вопроса или того, что опять оставят без ответа. — NDA подписывала? — Конечно. Стандартный договор директора. При чем тут... — Ты уверена, что можешь молчать? Он наклонился ко мне. Я слышала каждое слово; бариста, который подошел убрать чашку, тоже наверняка слышал. — А некоторые в твоём положении начинают говорить. Очень много говорить. И себе же вредят. — Витя, сядь. Кто тебе сказал про мое положение? Он положил пятитысячную купюру у стакана и пошел к выходу. Даже воды не допил. Я смотрела ему в спину, удерживая ладонь на своей салфетке, чтобы не побежать следом. Догонять наставника через кофейню и выпрашивать объяснение — такого в нашу историю еще не входило.

Бариста принес счет. Я сказала, что заплачу отдельно, и услышала собственный голос: вполне нормальный. Оказывается, можно обсуждать сдачу, когда знакомый человек только что предупредил тебя о неизвестной опасности и сбежал. Кофе пить уже не могла. Виктор пришел, хотя не обещал, но ни одного полезного слова не дал. Кто-то сообщил ему то, чего я о себе не знала. Спросить, кто, получилось слишком поздно. Я взяла телефон, затем положила обратно. Повторный звонок ничего не исправит.

Домой хотелось не возвращаться. Однако чемодан оставался дома, и надо было забрать документы. Света живет в области — я подумала о ней, но сначала следует позвонить, а не приехать с вещами и всем этим на лице. Вызвала машину. Под дождем тушь начала щипать глаза; вытерлась рукавом, водитель ничего не сказал. В пути подготовила сообщение Свете, но не отправила. После Виктора даже простое «можно у тебя переночевать?» казалось просьбой дать показания.

У подъезда меня встретил Женья. Он обычно здоровался прежде, чем замечал мое лицо. Сегодня дождался, пока я подойду к стойке. — Добрый день, Анна Сергеевна. — Женья, открой парковку. Заберу машину, мне надо уехать. Он поставил ладонь на пульт, но кнопку не нажал. — Доступ приостановлен. Распоряжение владельца. — Квартира моя тоже. Половина на мне. Покажи распоряжение. — Артем Валентинович сказал: до выяснения конфликта интересов. Я уставилась на него. Он должен был выпускать автомобили и выдавать посылки, а теперь обсуждал мой конфликт интересов. — К машине пройти можно? — Я не могу разрешить. — Ты понимаешь, что удерживаешь не автомобиль компании? Это моя машина. Женья отвел глаза. Ответа другого не будет, он сам это показывал. Я достала ключи и снова убрала: открыть ими шлагбаум нельзя. Уехать на такси можно. Остаться без машины было неприятно, но еще неприятнее — заставлять знакомого охранника повторять приказ мужа. Я записала его слова и время. Он заметил это и выпрямился у стойки, словно я могла предъявить ему какой-то встречный приказ.

Дмитрий Соколов не ответил. Юрист холдинга, который составлял мой брачный контракт и вел личные дела, даже не сбросил вызов: гудки кончились автоответчиком. На второй попытке я уже собиралась оставить сообщение, когда пришло SMS: «Клиент переведен на обслуживание в другое юрлицо. Все запросы через секретариат CEO». Внизу стоял корпоративный адрес для ответа. Через секретариат — значит, через Лику. Я сделала снимок и переслала себе на личную почту. Писать туда «пожалуйста, помогите» не стану. Найду другого адвоката. Поздно, дорого, но хотя бы не придется сначала спрашивать у мужа разрешения защищать свои права.

Наверху квартира была убрана. Робот стоял на базе, на полу ни соринки. Я обнаружила, что коробку после ночи опять принесла в гостиную: не хотела видеть ее у кровати. Она так и лежала на столе. Прошла мимо и взяла бумагу. Написала обычное заявление по собственному — то, что не удалось обсудить с Виктором, хотя бы зафиксировав сама. Подпись с первого раза не получилась, ручка оставила кляксу. Дату поставила аккуратно. Отсканировать и отправить в HR с копией бухгалтерии. Дальше они уже не смогут сказать, что я просто перестала ходить на работу.

Рабочий ноутбук показал предупреждение вместо привычного окна. «ДОСТУП ПРИОСТАНОВЛЕН. В связи с проверкой службой безопасности. Инициатор: СЕО». Я нажала на значок сети, проверила пароль и попробовала еще раз. То же самое. Дело было не в подключении. «Контакт для вопросов: security@holding.ru». Я переписала адрес на оборот заявления и вдруг увидела, что нажимаю ручкой так сильно, что она почти проткнула лист. Заявление придется нести лично. Это тоже можно. Но почему за одну ночь меня успели объявить человеком, которого нельзя допускать даже к собственной рабочей почте? Я сидела перед предупреждением и не находила ни одного адресата для этого вопроса.

Звонок пришел с городского номера. Я ответила, не называя себя. — Анна? Это Максим. — Я узнаю. Что случилось? — Вчерашние выписки получил. На рабочую почту ответить не могу — возвращается ошибка. — Меня заблокировали. Даже увольнение не отправить. — С увольнением не торопись. По заказу кольца кое-что есть. Год назад ювелиру платило юрлицо. Назначение: «подарочный фонд». Там мужское кольцо, похожее на твое. Я взяла заявление за нижний край и перевернула чистой стороной вверх. — Подожди. Где дата? Продиктуй. Он назвал день и сумму. Я записала обе цифры и попросила повторить реквизиты. — Это Артем платил? — Через компанию. Кто согласовал, еще проверяю. И не знаю пока, относится ли заказ к твоей посылке. Сначала нужно сравнить изделия. — Значит, не говорим, что доказали подставу? — Именно. И не называем распечатки оригинальной перепиской. Мне стало немного легче от его занудства. Он хотя бы не спрашивал, как здоровье. Вчера я видела старое обручальное кольцо; теперь следовало узнать, старое ли оно вообще. Я прижала телефон плечом и записала номер заказа. — Рассказывай дальше. Я пишу.

Глава 4

Галина Петровна встретила меня словами «разувайся, ковер новый». Я разулась у порога, хотя хотелось сразу пройти к мужу. В руке была распечатка заявки на кольцо. Дата — за три месяца до корпоратива, где нам представили Лику. Хотелось поставить эту бумагу перед Артемом и получить ответ при его матери. Дома он ответил бы тем же разговором о таблетке.

Он сидел рядом с матерью и держал ее за плечи. Увидев меня, теснее прижал к себе. Я остановилась посреди гостиной: вот я сейчас и разрушу эту прекрасную сцену заботы. У меня бумага, у него мама. Очень неравные переговоры.

— Ты опозорилась, Анечка! Уходи! Свекровь вскочила, вцепилась мне в предплечье и развернула к двери. Ногти прошли сквозь рукав. Я еще ничего не сказала, а она уже велела не кричать: соседям слышно, они меня считают сумасшедшей. Откуда соседи успели составить мнение, спросить не получилось — она говорила без пауз.

Я попыталась подать Артему лист. Он взял не бумагу, а мое запястье и удержал возле своего колена. Свекровь отпустила; муж — нет. Потянула руку на себя, пальцы его сжались сильнее.

— Анна, пожалуйста, — его голос сорвался на шепот. — Давай поговорим спокойно. Ты расстроена. Я понимаю. Но это... это истерика.

Так он разговаривал с сотрудницей, которая пришла просить об отпуске и расплакалась. Со мной. Я посмотрела ему на пальцы. Слова мягкие, запястье не вытащить. В кухонном проеме стояла Кристина, разглядывала экран телефона. Еще один зритель, о котором я не договаривалась.

— Это твоя заявка? На кольцо. До Лики. Кто ее оформлял? Я положила бумагу ему на колено свободной рукой. Пусть хотя бы посмотрит, а не мое лицо обсуждает.

Бумагу забрала свекровь. Прочитала верхнюю строку — или сделала вид — и разорвала над столиком. Оба клочка бросила на ковер. Я машинально наклонилась за ними, но Артем все еще держал мою руку. Даже собрать свои бумаги при них я не могла.

— Хватит выдумывать! — процедила она, отступив от столика. — Ты придумываешь себе врагов, чтобы оправдать свою холодность. Артём терпел тебя семь лет. Семь лет, Анна! А ты даже не можешь дать ему нормальную жизнь.

Он вытер слезу. Я знала, что люди умеют плакать от бессилия, и на секунду захотела поверить: правда страдает. Потом опять почувствовала его большой палец на запястье. Страдающий мог бы меня отпустить. Мне стало стыдно не за обвинения, а за то, что еще выбираю ему оправдание.

У Кристины щелкнул телефон. Я подняла голову.

Она снимала нас. На секунду повернула экран к себе, проверила угол, и я увидела собственные красные глаза рядом с его склоненной головой. Рука, которой он держал меня, почти не попадала в кадр. Вот и получилась картинка: я над ним, он плачет. Сколько ни объясняй потом, первая версия будет именно эта.

— Мама, ты пугаешь папу, — тихо сказала падчерица. Её голос был ровным, деловым. — У него давление скачет. Ты хочешь, чтобы он попал в больницу? Из-за твоей ревности?

Я посмотрела в объектив. Если сейчас крикну, Кристина даже монтировать ничего не станет. Отправит юристу весь кусок, где я ору на человека со скачущим давлением. Пришлось сначала успокоить собственное дыхание, а потом уже вспомнить, что хотела спросить. Про заказ. Только про него.

Я прикусила щеку и замолчала. Вкуса крови не было, но боль помогла удержать язык. Еще немного — и начну оправдываться перед камерой, зачем вообще сюда пришла.

— Тебе нужна помощь. Сейчас такси вызову, отвезу домой. Примешь успокоительное, а завтра поговорим нормально. Артем поднялся, не отпуская меня. Я сделала шаг вместе с ним, чтобы не вывернул руку. Кристина отступила в кухню: в кадре мы должны были двигаться в нужную сторону.

Я повторяла про себя одну фразу: «Я уеду сама». Не рассказ о том, почему нельзя верить мужу. Не лекцию о фальшивых документах. Простую фразу, которую нельзя превратить в угрозу его здоровью даже при очень большом желании.

Дернула запястье к себе. На этот раз он отпустил, а я сразу спрятала руку в карман. Так не хотелось показывать им красный след.

— Оригинал заявки я найду. Ты ответишь, для кого кольцо. Но уеду я сама. Он приоткрыл рот, будто хотел опять сказать «Анечка». Я отвернулась прежде, чем он успел. Просьба матери снять обувь, ковер, разорванная бумага — все осталось у меня за спиной.

Кристина продолжала снимать до входной двери. Я обулась, держась за стену. Свекровь что-то сказала про приличия; я не разобрала, потому что застежка сапога заела. Вот на ней и сосредоточилась. Застегнуть, взять сумку, выйти. До лифта никто за мной не пошел.

В лифте стоял Сергей из охраны. Мы знали друг друга пять лет; раньше он шутил, что у моей свекрови самый строгий пропускной режим в доме. Сегодня держал ладонь возле кнопки остановки. Кабина не двигалась, двери оставались раскрыты. Я посмотрела на его пульт, потом на Сергея.

Он убрал взгляд в пол. Ладонь возле кнопки оставил. Пришлось спрашивать так, словно мы виделись впервые.

— Сергей, везите вниз. Мне нужно выйти.

Он посмотрел на площадку, будто оттуда вот-вот дадут разрешение.

— Анна Сергеевна, хозяин сказал...

— Это жилой дом, Сергей. Вы не имеете права меня удерживать. Откройте дверь.

Я достала телефон и набрала первые две цифры экстренного номера. Сергей убрал руку с кнопки остановки. Лифт спустился; на первом этаже двери разъехались.

У выхода я прислонилась к колонне. Сапог все еще давил у застежки, запястье ныло. Пока разбиралась с сумкой, позвонил Максим.

Обычный звонок, знакомое имя. И все равно я секунду думала, не увидит ли его Артем. Дома он мог забрать телефон, посмотреть уведомление; здесь стоял только Сергей. Я повернулась от двери и ответила. Пусть теперь попробует забрать аппарат через всю улицу.

Отошла от подъездной камеры. На ее записи пусть останется только, что я ушла, а не с кем говорила.

— Где ты? Максим не спрашивал, плакала ли я. Мне удалось ответить с первой попытки.

— В машине. Точнее, на остановке, жду такси.

— Слушай внимательно, Анна. Артем уже звонил твоим друзьям. Он рассказывает версию о твоём нервном срыве. Он хочет изолировать тебя.

Вот зачем Виктор спрашивал про молчание. Я сжала ремень сумки. Муж успел позвонить знакомым, пока я искала, кому рассказать о нем. Нечего удивляться, что слушают уже не меня.

— Есть данные по заявке. Но копия, не оригинал. Поможешь проверить? На учебе мы часто спорили над одними и теми же цифрами, пока не добивались до источника. Сейчас я почти попросила его вернуться со мной к свекрови — сказать за меня то, что я сама произнести не смогла. Но не для этого ему звоню.

Он попросил минуту. Я слышала, как закрывается дверь у него в помещении.

— Понял, — ответил Максим. — Жди. Не едь домой. Артем там будет ждать с полицией или юристами.

Первой машине, остановившейся у тротуара, я назвала старый адрес. Наш первый офис, где оставался архив. Дежурный еще помнил меня, доступ к документам по моей прежней

работе можно было попросить через него. Домой пока не хотелось. Сумку поставила рядом, большое запястье придержала свободной рукой.

По дороге смотрела не на город, а на стекло: красные глаза, бледные щеки. Именно такое лицо осталось у Кристины в записи. Если я сейчас добуду оригинальную дату, придется показать не только свое лицо. Я перечитала сообщение Максима и переслала ему, куда еду.

Когда я добралась до здания, охранник удивленно моргнул, узнав меня.

— Анна Сергеевна? Вы же уволились...

— Мне нужен доступ к локальному архиву HR-отдела. За прошлый год. Только на пять минут.

Охранник дал мне пройти. В пустом кабинете свет включался двумя выключателями; один по-прежнему не работал. Я уселась ближе к оставшейся лампе. Компьютер загрузился медленно, и я успела вытащить из сумки флешку, которую носила для личных копий документов.

В архиве искала Соколову Л. — сперва кадровую запись, потом список приглашенных на корпоратив. Дату приема записала в блокнот. Мне нужна была последовательность, а не еще одно «я знала, что он такой».

Нашлось майское письмо за прошлый год. HR просил Артема Валентиновича подтвердить гостей на «Июньскую ночь». Лика была в списке секретариата. Я открыла приложенную таблицу и проверила фамилию: вдруг еще одна Соколова? Инициалы совпали.

На чеке, который прислал Максим, стоял июль. После корпоратива, не до. Я зачеркнула прежнюю пометку: мне так хотелось предъявить мужу несостыковку, что я уже пыталась сделать из любой даты улику.

Заявка была отдельной. Я нашла журнал обращений к бухгалтерии и номер закупки подарочного фонда. Для кого покупали, из этой строки не узнать. Кто оформлял — можно.

Адрес компьютера Артема. Запрос отправили ночью, за три месяца до июньского мероприятия. Я приблизила время: два часа. Очень любил говорить, что ночью работать должна перестать именно я.

Прием Лики был позже. Значит, заявку нельзя просто приписать их роману. Еще не доказательство, но вопрос к Артему уже другой.

Я положила рядом запись кадровика и ювелирный чек. Между ними оставались месяцы. Подарочный фонд мог предназначаться не только Лике; если пойду обвинять снова по первой подходящей дате, придется опять оправдываться. Написала в блокноте: «Проверить номер заявки».

Я откинулась на стул и потерла глаза. Выписала подряд четыре даты. Когда все стояло рядом, я наконец перестала путать покупку с заказом. Теперь можно было показать это Максиму, не дописывая между строк, чего я хочу от ответа.

Я сохранила письмо и строки журнала на флешку. Теперь у меня были даты и адрес компьютера, с которого отправили запрос. Уже больше, чем час назад у свекрови. Запись Кристины пока оставалась у неё. Нужно было найти её целиком — с той минуты, когда свекровь вцепилась мне в руку.

Копия журнала не заменяет оригинал, и фразу из чужой видеозаписи мне пока не дадут. Нужен был человек, который проверит выгрузку и объяснит, что мы действительно можем предъявить. Максим делал это скучно и въедливо. Именно поэтому я набрала наш чат.

Последний его звонок был несколько минут назад. Я могла бы позвонить опять, но хотелось сперва закончить здесь и уже потом говорить без дрожи и чужого компьютера перед собой.

В поле сообщения курсор стоял у самого края. Я набрала «Готов?» и задержала палец над отправкой. Пугаю его так, будто собралась взламывать банк. А пока всего лишь хочу проверить заказ кольца.

Перед уходом надо было выйти из архива. Оставлять свой аккаунт на этом компьютере я не собиралась; иначе завтра любая новая выгрузка станет моей. Закрыла документы и проверила, куда записались копии.

Все осталось на флешке. В архиве ничего не удаляла. Очистила только историю открытых страниц, вышла из аккаунта, потом отправила короткое сообщение Максиму. Дождалась, пока появится отметка о доставке, и убрала флешку к ключам.

«Завтра утром разберем», — ответил он. Я перечитала дважды. Не «успокойся» и не «извинись». Разберем. С этим ответом вышла из кабинета, выключив работающую лампу.

Глава 5

Заявление я сложила вчетверо. Оно упиралось углом в ладонь через карман, пока лифт поднимался на тридцать второй этаж. Финансовый директор, десять лет в бизнесе, не в состоянии положить бумагу в папку — вот что обо мне могли сейчас подумать. Я расправила плечи. Мне нужно отдать заявление и забрать личные контракты. Как бы ни смотрели, это можно сделать.

У Елены Сергеевны горела настольная лампа, хотя за стеклом было совсем светло. Она ждала меня с раскрытой папкой и нетронутым чаем. Я узнала эту папку: мое личное дело. Интересно, сколько нового они успели туда вложить со вчерашнего дня? Села, сумку оставила у ноги, заявление положила отдельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.